
AD MEMORIAM

И.И. Левит

**ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ РУССЕВ –
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ**

Утро 17 мая 1982 г. выдалось теплым, солнечным. Проснулся, как всегда, рано – лучшее время для работы. Сел за свой письменный стол. Вдруг раздался продолжительный телефонный звонок. Никто никогда нам так рано не звонил. Поднял трубку, на другом конце услышал дрожащий, душераздирающий, хорошо знакомый мне голос Анны Игнатьевны Руссевой, матери Евгения Михайловича: «Изя, приезжай, Женя покончил с собой». Я опешил. Разбудил

жену, сообщил ей эту печальную весть, она не удержалась от слез, я убежал.

В такую рань найти такси – редкая удача. Помчался на улицу Докучаева, куда с Котовского (Хынчештского) шоссе заворачивали несколько троллейбусных маршрутов. К счастью, появилась «тройка», она шла в нужном мне направлении. Народу было много, рабочие из общежития тракторного завода спешили к смене.

* * *

Когда 31 декабря 1955 г. был сдан в эксплуатацию на проспекте Ленина (ныне Штефана чел Маре) № 159 первый жилой дом для научных работников Молдавского филиала АН СССР, мне тогда холостяку и Евгению Руссеву выделили трехкомнатную квартиру на третьем этаже. Однокомнатных и двухкомнатных квартир в доме было мало, и поскольку в дирекции и местном филиале знали, что мы с Руссевым, несмотря на разницу в возрасте (он 1915 года рождения, я – 1922 г.), были в дружбе, поселили нас в одной квартире. Е.М. Руссев с мамой заняли 2 комнаты, я – комнату с окном на проспект Ленина. В декабре 1959 г. я женился, жена – Инна Петровская переехала ко мне, а в октябре 1961 г. у нас родился сын. Так мы жили все вместе в дружбе и согласии до середины апреля 1962 г., когда моей семье выделили отдельную квартиру в первом построенном жилом доме на улице Академической 12, в будущем Академгородке.

Когда рано утром 17 мая 1982 г. я поднялся на третий этаж своей бывшей квартиры, входная дверь, обычно запертая на замок и цепочку, была открыта. Анна Игнатьевна лежала в своей комнате на диванчике, заплакан-

ная, стонала. Рядом на стуле сидела Анна Васильевна (мы ее звали просто Нюся) Корлэтяну, жена академика Николая Григорьевича Корлэтяну, они жили в этом же доме, в соседнем подъезде.

Зашел в свою бывшую комнату, ставшую после переезда кабинетом Е.М. Руссева, окно было настежь открыто, из него выбросился Евгений Руссев. Машина скорой помощи увезла его, по пути в больницу он скончался. Так оборвалась жизнь видного историка и филолога, неутомимого труженика, честнейшего, отзывчивого и многоуважаемого человека.

На письменном столе, до блеска всегда чистом, стоял его металлический перекидной календарик. До моего прихода в квартире Руссовых был представитель городской прокуратуры, забрал паспорт, партийный билет и предсмертное письмо погибшего. Его читала только Анна Игнатьевна. В нем было сказано: «Никого не вините в моей смерти. Во всем виноват злой рок. В семье я пятый».

Первым был Михаил Миронович Руссев – отец Евгения. Он, будучи председателем кооперативов юга Бессарабии, в 1918 г. был де-

легирован в состав «Сфатул цэрий». 27 ноября 1918 г., на последнем заседании этого органа, М.М. Руссев голосовал против безусловного присоединения Бессарабии к Румынии и ликвидации автономии области, был среди депутатов, подписавших протест. За эту свою позицию он подвергся гонениям со стороны румынских властей, в доме производились обыски, он якобы собирался уехать в СССР. В момент отчаяния повесился.

Евгений рост без отца. Учеба в лицее, а затем в вузе была платная. Помогали родственники. Анна Игнатьевна и один из его соучеников говорили мне, что до пятого класса Женя был шалопаем, неряхой, бездельничал, к учебе не проявлял никакого интереса, зимою увлекался коньками, в результате в 5-м классе его оставили на второй год. Это на него страшно повлияло, ему стало стыдно, произошел перелом, родился новый Руссев. Он успешно окончил лицей и высшее учебное заведение в Румынии, даже стоял вопрос отправить его на стажировку в Варшавский университет для повышения квалификации в области славистики. Помешала война.

А тем временем в семье Руссевых продолжались несчастья. Застрелился один брат его отца, утопился второй, в апреле 1982 г. из Клузы поступила телеграмма, что повесилась тетя Евгения, сестра отца, которая внушила себе, что у нее рак. За несколько недель до этого, она вместе с супругом Порфирием Кожокару, родом из Кожушны, человеком жизнерадостным, гостили у Евгения Михайловича и Анны Игнатьевны. Ее смерть была шоком для Евгения.

Были в жизни Евгения Руссева действительно моменты отчаяния, но он их мужественно преодолел. Был случай, когда он мне и моей жене говорил: «У меня рак печени». Мы свели это к шутке. На этом разговоры на тему рака прекратились.

Евгений очень бережно относился к Анне Игнатьевне. Ему, как члену Союза писателей, предлагали путевки в Крым и на Кавказ, в Дома творчества. Мы его уговаривали: «Поезжай, надо отдохнуть после непрерывного тяжелого труда». А он в ответ: «Не могу оставлять старушку-мать». Тем более трудно объяснить, как мог он пойти на самоубийство, оставляя мать, которой было 94 года? И, наконец, трагедия произошла в дни, когда Евгений Руссев был в зените славы; накануне первомайских праздников его имя внесли в «Золотую книгу» республики. На выходе была его капитальная монография «Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии» – плод многолетних изысканий. Трудно понять его поступок, одно бесспорно: он

к этому готовился, за несколько дней до смерти переписал свою сберегательную книжку на имя матери.

Написать о Руссее, его жизни, вкладе в науку и культуру можно целую книгу. О его трудах в области молдавской истории феодального периода, о ценности его словарей, учебников, хрестоматий, сборников документов лучше могут сказать более близко стоящие к этой тематике. Я лишь скажу о нем, как о человеке, друге, товарище.

Евгения Михайловича Руссева знал с 1943 года. Встретились в эвакуации, в г. Бугуруслане Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Я был студентом исторического факультета Молдавского государственного педагогического института, Е.М. Руссев – научным сотрудником Молдавского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы при Совете министров МССР. Все мы находились в одном небольшом одноэтажном здании. Исследовательский институт занимал одну комнату, в ней, с утра до вечера Евгений Михайлович Руссев и Гаврил Иванович Поповский, школьный учитель, трудились над сбором материала для русско-молдавского словаря. В начале 1944 г. к ним присоединился Николай Григорьевич Корлэтяну. В одном доме со мной, у разных хозяек, жила Наталья Михайловна Остиану, студентка физико-математического факультета, будущая жена Евгения Руссева.

Все мы, студенты, да и преподаватели, были полуголодными, ходили в одной и той же одежде, редко у кого была сменка. Таким же запомнился и Руссев, но он был опрятный, всегда бритый. Несмотря на грязь и слякоть, его ботинки на толстой подошве (bosanci) блестяли. После войны в Кишиневе еще долгие годы он в них ходил осенью и зимою, так они остались в его кладовке для обуви.

С Е.М. Руссевым сблизился, затем подружился после возвращения из Бугуруслана в Кишинев. 5 октября 1945 г. был принят на должность младшего научного сотрудника сектора истории Молдавского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы. Институт находился в бывшем доме крупного помещика Кассо на улице Комсомольской № 52 (ныне ул. Михая Еминеску). Евгений Руссев был старшим научным сотрудником (тогда еще это можно было без наличия ученой степени), с окладом ... 880 руб. (включая «хлебную надбавку») до денежной реформы.

В Институте каждый сектор имел свой кабинет, книгохранилище находилось в полуподвале, читальный зал с узорным пакетом XIX в. и камином в мраморе служил и конференц-за-

лом. Наш сектор истории занимал большую проходную комнату, от нее дверь вела в кабинет экономистов. Возле этой двери был письменный стол Е.М. Руссева, справа от него – мой. Напротив меня «колдовали» над своими черепками археолог Г.Д. Смирнов и краевед В. Адиасевич.

В первые послевоенные годы Е.М. Руссев был в секторе единственным «феодалом». Я собирался изучать историю Прутского похода царя Петра I и его связей с молдавским господарем Д. Кантемиром. Рассчитывал на консультации Руссева, который досконально знал летопись И. Некулче, соратника Д. Кантемира. Но закончилась война, и было получено указание, что мне следует заняться изучением истории Молдавии в годы Великой Отечественной войны. Сотрудничество по линии феодальной тематики у нас не получилось.

Пока мы находились в здании на улице Комсомольской № 52 (в 1951 г. Институт и другие научные подразделения Молдавского филиала АН МССР переехали в здание бывшего при румынской администрации лицея им. Александра Доница, а в первые послевоенные годы Совета министров МССР) Е. Руссев на работе сидел в кабинете Н.Г. Корлэтяну, который заведовал сектором языка и литературы (после назначения И.Д. Чебана директором Института). Эта была небольшая комната. Чтобы попасть в нее нужно было пройти через кабинет, в котором работал Г.И. Поповский, литературоведы В. Коробан, Г. Богач и др. В кабинете Корлэтяну стоял письменный стол, к нему вплотную – стол поменьше, за которым работал Е.М. Руссев. Работа шла над словарями, хрестоматиями, столы завалены книгами, а по окончании рабочего дня все убиралось. В кабинете воцарялся полный порядок.

В первые послевоенные годы работа в Институте начиналась в 8:30, обеденный перерыв с 12:30 до 13:00 часов. Столовых, ресторанов поблизости не было, город еще лежал в руинах, приходилось еду брать с собой из дома. Н. Корлэтяну жил на Комсомольской улице в двух кварталах от Института и он своим разменным шагом отправлялся домой, где его ждал обед, а Руссев совершал марафонский пробег до своего дома на ул. Щусева 111 (недалеко от стадиона «Динамо»), где мать ждала его с обедом. Жил Руссев с женой Наташей в доме ее отца – Михаила Гурьевича Остиану. Евгений Михайлович с большой теплотой отзывался о своем тесте, как о человеке добром, порядочном, высокой культуры. Еще до революции 1917 г. в России он закончил Петербургскую Академию лесоводства и как крупный специалист в этой

области занимал ряд лет должность заместителя министра лесного хозяйства МССР.

Я иногда навещал квартиру Остиану для срочных встреч с Руссевым не только по делам работы, но и для поездок в Кондрицкий монастырь, где находился техникум лесного хозяйства. В 1948-1950 гг. во время летнего отпуска в этом техникуме я читал лекции по истории на курсах переподготовки лесоводов. В сухие летние дни в Кондрицу, окруженную со всех сторон лесом, можно было добраться на подводе через Дурлешты. Кони с трудом забирались в гору с подводой, нагруженной вещами и продуктами, которую приходилось толкать сзади.

В техникуме лесного хозяйства работала жена Руссева Наталия Остиану. Она и жила там почти круглый год на территории бывшего монастыря. Болела астмой и во время осенних дождей и зимних стуж, когда никаким транспортом добраться в Кондрицу нельзя было, Женя Руссев, надев свои «боканчи», доезжал до Кожушны, дальше пешком через лес доставлял Наташе лекарства. Это было не только невероятно трудно, но и небезопасно. Таким преданным мужем был Евгений Руссев.

В дом Остиану, будучи в добрых отношениях с Евгением Руссевым, вхож был Анатолий Коробчану, которого знал по работе в газете «Тинеримя Молдовой», куда изредка заходил. Занимаясь историей Великой Отечественной войны, я расспрашивал его о деятельности Первого соединения молдавских партизанских отрядов, в рядах которого он радистом прошел с боями по тылам противника от Лельчицкого района Белоруссии до границ Молдавии. Став заместителем председателя Совета министров МССР, оставался не в пример другим, таким же скромным, приветливым, доступным человеком. В доме Остиану встретил однажды и Сергея Радауцана, будущего ректора Кишиневского политехнического института, академика АН МССР, вице-президента. Молодой Радауцан вроде дружил с Валею Остиану, младшей сестрой Наташи. Юного Сергея я видел в лицее «Богдан Петричейку Хаждеу» в 1939-1940 гг., я учился в 8-м классе, а он, кажется, в 4-м. Интерес был вызван тем, что его отец преподавал в лицее французский язык.

Приятные воспоминания первых послевоенных лет остались от посещения с Руссевым дома Тамары и Тадеуша (будущего академика АН МССР) Малиновских. В мае месяце отмечали дни рождения Тамары (девичья фамилия Моргунова). В 1940-1941 гг., будучи студентами Кишиневского пединститута, мы с Тамарой участвовали в студенческих вечерах. Их домик

утопал в цветах, цвела вишня. Однажды во дворе, мы встретили сидящего под деревом могучего телосложения старика. Поздоровались, поговорили. Это был дядя Тамары, всемирно известный чемпион по греко-римской борьбе Иван Заикин. После его смерти Каменоломню переименовали в улицу Ивана Заикина.

Дружественные отношения поддерживал Евгений Руссев с Василием Малинским и Николаем Топор. Они в годы войны были аспирантами Московского университета (МГУ). Во время короткого пребывания в Бугуруслане Малинский подружился с Руссевым. Моя роль была скромная: в Бузурусланской столовой № 3 через моего знакомого официанта Гардеича я доставал им по тарелке пшенной каши. В. Маленский защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата экономических наук, стал заведовать Отделом экономики, который был выведен из состава Института истории, экономики, языка и литературы в самостоятельную научную единицу Молдавской базы АН ССР, готовил к печати под редакцией Я.М. Гросула свою монографию об аграрной реформе 1918-1924 гг. в Бессарабии. Он получил квартиру в восстановленном доме на углу проспекта Ленина и улицы Гоголя (здание бывшей еще при царе гостинице «Швейцария»), куда въехали и другие ведущие ученые Молдавской базы АН ССР (А.В. Аблов, Н.Д. Топор, Т.С. Гейдеман, Н.А. Мохов). Речь шла о назначении В.Ф. Малинского ректором Кишиневского университета. Неожиданно его вызвали в Москву, в ЦК ВКП(б) и предложили поехать на работу в Румынию. В. Малинский отказался, у него жена русская, работала в сфере кино, жила в Москве, румынского языка не знала. Последовал вторичный вызов. На сей раз открутиться Малинскому не удалось. Секретарь ЦК Г.М. Маленков, второй тогда человек в партийной иерархии, распорядился оставить на хранение партийный билет члена ВКП(б), предоставил несколько дней на сборы для выезда в Бухарест.

Прощание в квартире Малинского в Кишиневе проходило стоя. Я с Евгением Руссевым перенесли письменный стол Малинского в квартиру Мохова, кое-что из мебели переправили в квартиру Топора.

В Румынии В. Малинский несколько лет был министром торговли, стал академиком, главным ученым секретарем Академии наук Румынии. Однажды в Москве состоялась встреча Руссева с Малинским. Е.М. Руссев был в научной командировке, Малинский – проездом из Китая. Он рассказал Руссеву о своих встречах с президентом Академии наук Китая Го-Мо-Жо, мэром Шанхая и т.д.

Николай Топор был свой человек в семье Остиану. Несколько лет он возглавлял лабораторию геологии и полезных ископаемых в Молдавском филиале АН СССР. Ему инкриминировали недооценку перспектив нахождения на территории республики богатых залежей нефти. Он уехал в Москву, приятельские отношения с Руссевым продолжал сохранять. Однажды во время нашей командировки в Москву, Н. Топор нам устроил экскурсию в геологический музей МГУ, расположенный на одном из последних этажей центрального здания университета, Н. Топор заведовал этим музеем.

Среди друзей Е. Руссева был Ф. Чеботару, бывший депутат Верховного Совета СССР, избранный в январе 1941 г., человек отзывчивый и очень порядочный. Он работал в Молдавском научно-исследовательском институте школ, и обменивались они мнениями в вопросе учебников для школ. Еще навещал Руссева на работе известный в республике архитектор В. Войцеховский, их разговоры касались древнего искусства Молдовы.

В конце 40-х и в 50-х гг. прошлого века наши командировки в Москву, Киев и Ленинград больше всего были связаны с работой над двухтомником «История Молдавской ССР с древних времен и до наших дней». В 1947 г. было принято решение Бюро ЦК КП(б) Молдавии о подготовке этого труда, создана специальная комиссия во главе с секретарем ЦК по пропаганде М.М. Радулом, но практически работой комиссии руководил А.М. Лазарев, министр просвещения, затем секретарь ЦК КП(б) Молдавии по науке и культуре. В отсутствие последнего эту функцию выполнял заместитель председателя Молдавской базы (с 1949 г. филиала) АН СССР Я.С. Гросул.

Е.М. Руссев участвовал в работе комиссии, был автором глав по истории Молдавии XVI-XVII вв. Участие в обсуждении глав принимали почти все члены комиссии независимо от узкой специализации. Проводились они в большом кабинете Я.С. Гросула на улице Жуковского. Дважды (при обсуждении глав Н.В. Березнякова о событиях 1917-1918 гг. в Бессарабии) заседали в кабинете тогдашнего заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Молдавии К.У. Черненко (будущий Генсек КПСС). Эти обсуждения проходили бурно и заканчивались скандалом.

Республика готовилась отметить в октябре 1949 г. 25-летие образования молдавской советской государственности. Нас торопили с подготовкой книги «История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней». В начале 1949 г. состоялся наш выезд в Москву, где в Институте истории АН СССР обсуждалась

рукопись первого тома «Истории Молдавии». Здесь состоялось знакомство Е.М. Руссева с доктором исторических наук, профессором Л.В. Черепниным, крупнейшим специалистом в области истории средневековой России, будущим академиком АН СССР. Л.В. Черепнин стал ответственным редактором первого тома и научным руководителем Е. Руссева, зачисленного заочным аспирантом Института истории АН СССР. Глубокий отпечаток на исследовании Е.М. Руссева в области летописания оставили труды выдающегося ученого и всеми уважаемого человека академика Д.С. Лихачева, с которым он переписывался. Из румынских историков Е. Руссев ценил труды по летописанию профессора П. Панаитеску. По случаю 25-летия Молдавской советской государственности Е.М. Руссев был награжден орденом Трудового Красного знамени. Евгений Михайлович был принят в члены ВКП(б), с блеском защитил в Москве кандидатскую диссертацию.

За этим внешним благополучием скрывалась мрачная действительность послевоенных лет с голодомором 1946-1947 гг., возрождением обстановки пресловутого 1937 г. с ночными рейсами «черного ворона», высылками и массовыми депортациями (лето 1949 г.). Интеллигенцию страны, не исключая и нашей республики, терзали чередовавшиеся шумные кампании по борьбе «с низкопоклонством перед загнивающим Западом», с сионистскими и прочими агентами американского империализма (Антифашистский еврейский комитет, «Джойнт» и др.), «очернителями советской действительности» (Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»), «вейсманистами и морганистами», «безродными космополитами», «убийцами в белых халатах» (дело врачей) и т.д. В союзных республиках в дополнение еще была борьба с местным национализмом или, как говорили и писали у нас в Молдавии, с «молдаво-румынским буржуазным национализмом».

В такой гнетущей атмосфере с пришиванием политических ярлыков, проходили в те годы бурные дискуссии среди историков по вопросам оценки событий 1812, 1917-1918 гг., роли России в исторических судьбах Молдавии и др. Большие аудитории собирали дискуссии, иногда проводимые из-за большого числа участников в Доме политпросвещения в Фонтанном переулке (будущее помещение театра «Лучафэрул»), относительно пути развития и обогащения молдавского литературного языка, литературного наследия, кого можно и нужно причислить к классикам. Спорили до поздней ночи литературоведы и лингвисты, писатели и журналисты, переводчи-

ки и просто читатели. Говорили, конечно, с оглядкой... Как было не бояться. Мы так и не знали за какие «грехи» убрали инвалида Адиясевича, арестовали в дни кампании борьбы с космополитами и отправили в сибирскую ссылку экономиста Ф.М. Гильмана, реабилитированного после смерти Сталина.

В обстановке царившей тогда в обществе подозрительности, доноительства и поисков «врагов народа» делиться мыслями, опасениями, комментировать события можно только с человеком, в честности и порядочности которого сомнений никаких не было. Такие доверительные отношения сложились у меня с Е.М. Руссевым.

Как-то Руссев сообщил мне, что из ЦК партии Молдавии запросили у дирекции Института мое сообщение о деятельности подпольных организаций на территории Молдавии в 1941-1944 гг., прочитанное на итоговой конференции в 1947 г. Через день-два, это было в 1948 г., меня пригласили в Отдел пропаганды ЦК КП(б) Молдавии для беседы с ответственным работником Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Бондаревой. Как мне стало потом известно, она была в составе комиссии по проверке Москвой работы ЦК партии Молдавии. Беседа с Бондаревой состоялась в небольшом кабинете на втором этаже здания ЦК. На столе у нее лежало вышеупомянутое сообщение. В спокойном тоне она мне сказала, что меня, без уточнения кто именно, обвиняют в непризнании руководящей роли партии в партизанском движении Молдавии, и расценивается это как проявление буржуазного национализма. Я объяснил, что не ставил себе задачу осветить партизанское движение в Молдавии; материалы Партизанской группы при ЦК партии Молдавии засекречены, доступа к партархиву, будучи беспартийным не имел, а лишь рассказал в своем сообщении о деятельности молодежных антифашистских организаций на территории республики в 1941-1944 гг. на основе материалов карательных румынских органов. По-видимому, Бондарева поняла, что меня кто-то подставляет, что я пешка в какой-то неблагоприятной игре. Она спросила, сколько мне лет, давно ли работаю в институте, а на прощание сказала: «В ближайшие дни к вам в Молдавию придет на работу из Пензы тов. Черненко. Если у вас возникнут подобные проблемы, обратитесь к нему».

Е.М. Руссев не пошел на обед, он ждал и вздохнул с облегчением, увидев меня. Но радоваться было рано. На смену одним пришли другие неприятности. В феврале 1949 г. началась кампания борьбы с «безродными космо-

политами». Она как-то обошла Руссева, нужны были в этой роли евреи. Среди научных работников Института я остался один, выбора не было. Накануне во втором томе Ученых записок Института вышла моя статья об ущербе, нанесенном народному хозяйству Молдавии в 1941-1944 гг. Критика была суровой: в работе не было цитат из выступлений И.В. Сталина в годы войны, из нот Советского правительства за подписью В. Молотова о злодеяниях фашистских захватчиков на оккупированной территории. Она затянулась надолго. 15 июля 1951 г. в публикации под заголовком «Вредная статья», появившейся на страницах «Советской Молдавии», мне приписывали стремление обелить оккупационные власти. Получив этот номер газеты, я помчался на ул. Щусева № 111 домой к Руссеву посоветоваться, как быть? Было тепло, беседовали долго, прямо во дворе. На второй день в Институте подошел ко мне Георгий Дмитриевич Смирнов, исключительно порядочный человек с большим партийным стажем, отводя меня в сторону, сказал: «Дело не шутейное, на всякий случай дома у входа держи мешочек с сухарями, могут пригодиться». Требуемое от меня для публикации в «Советской Молдавии» покаянное письмо отказался писать. Секретарь ЦК КП(б) Молдавии по науке А.М. Лазарев, хорошо знавший меня по работе в комиссии по «Истории Молдавии», передал мне через Н.А. Мохова: «Пусть Левит ничего не предпринимает».

А тем временем черные тучи сгущались и над Руссевым. В газете «Советская Молдавия» появилась заказная от начала до конца клеветническая статья Игоря Шведова «История одной диссертации». Этот наемный писака, заведующий отделом культуры «Советской Молдавии», изобразил Руссева, как представителя «золотой молодежи» Бухареста. Заодно на сталинский манер и летописец Гр. Уреке был объявлен «врагом народа». Заранее был заготовлен и направлен в редакцию для рубрики «По следам наших выступлений» ответ на статью, в ней было сказано, что статья Шведова была обсуждена и получила полное одобрение, хотя никакого обсуждения не было. Все эти материалы были отправлены в Москву в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК) Министерства Высшего образования СССР. Е.М. Руссева тут же лишили степени кандидата исторических наук, хотя на титульном листе его диссертации в качестве руководителя стояла фамилия профессора Л.В. Черепнина, а все отзывы оппонентов и рецензента ВАКа были положительными. Все это не имело никакого значения главное: вовремя проявили сталинскую бдительность и разоблачили «врага народа».

Никогда не забуду партийное собрание по исключению из партии Е.М. Руссева. Пришел из Красноармейского РК КП(б)М заведующий орготделом Зайцев, вести собрание было поручено заместителю секретаря парткома филиала Николаю Борисовичу Якубанису. Последнего знал по Бугуруслану. Это был бездельник, ничего общего не имеющий с наукой. Все время уходило у него на изучение анкет и биографий сотрудников, ходил к их соседям по дому для сбора компромата. При Сталине такие людишки были в почете. Он торжествующе объявил собранию, что при вступлении в партию Евгений Руссев скрыл, что его отец в 1917 г. (сам Евгений родился 24 декабря 1915 г.), будучи комиссаром Временного правительства, «на каждом телеграфном столбе в Кишиневе вешал большевиков».

Чего только не пришлось слышать в этот вечер. Одна истеричная дама кричала: «Нам руссевы в партии не нужны. Будем беречь чистоту наших рядов». Когда Г.Д. Смирнов, давший Руссеву рекомендацию при вступлении в партию, спросил, на каком основании делаются такие заявления относительно отца Руссева, последовал окрик: «Вы партии не верите?»

На упоминание о том, что в СССР в 1926 г. в одном из первых номеров журнала «Красная Бессарабия», издаваемом в Москве, был помещен портрет и некролог о Михаиле Мироновиче Руссеве, борце за свободу края, последовала резкая реакция: «Журнал в 1936 г. закрыт, редактор Дембо и другие его сотрудники объявлены врагами народа, они и восхваляли Руссевых».

Е.М. Руссева исключили из партии, затем Н.А. Мохова. На Дону, в одной из станиц, куда специально ездил Якубанис, он обнаружил, что до революции 1917 г. у родителей Н.А. Мохова была мельница, а Г.Д. Смирнову за утрату «политической бдительности» вкатили «выговор с занесением в личное дело».

Осенью 1952 г. в отчете о Пленуме ЦК КП(б)М по идеологическим вопросам, приведенном на страницах газеты «Советская Молдавия», фамилии Е. Руссева, И. Левита, Н. Нарцова и др. служили иллюстрацией попустительства секретарей ЦК КП(б)М Л.И. Брежнева и А.М. Лазарева по отношению к таким «чуждым элементам».

Должен признать, что в шумных кампаниях послевоенных лет, сопровождаемых политическими обвинениями и пришиванием ярлыков своим коллегам по работе, А.М. Лазарев и Я.С. Гросул, занимавшие высокие должности, не участвовали. По крайней мере, я таких речей не слышал и статей в газетах не читал.

Для Е. Руссева исключение из партии кончилось настоящей трагедией. Его уволили и ни-

куда на работу не принимали. Опасаясь ареста и депортации, во избежание неприятностей для семьи, он быстро оформил развод с Наташей и вместе с мамой-старушкой покинул дом Остиану, переехав в маленькую комнатку на улице Вознесенской (напротив церкви), в доме своего товарища по лицу Поповича. Помню, в этой комнатухе с низким потолком стояли две койки и столовый стол, он служил и письменным. Жил он за счет небольших гонораров от переводов, рецензий, а также изданного в Москве в соавторстве с Н. Карлэтяну русско-румынского словаря.

Бедствие, к счастью, продолжалось недолго. После смерти Сталина наступила оттепель. Е. Руссева восстановили на работе, его инквизитора Якубаниса на партсобрании МФАН СССР исключили из партии за уваливание в годы войны от призыва в армию (выдавал себя за латыша) и другие проделки. Е. Руссев получил квартиру в новом доме, о чем я уже писал.

После XX съезда КПСС пересмотрели «дело» Руссева, его восстановили в партии в Москве, в Комиссии Партийного контроля при ЦК КПСС ему было сказано, что все обвинения в адрес его отца – чистейшая ложь, он может им гордиться. ВАК вернула ему ученую степень кандидата исторических наук.

Непродолжительное время Евгений Михайлович был ученым секретарем Института истории, языка и литературы МФАН СССР, а когда в рамках института был создан Отдел истории европейских стран народной демократии с упором на исследование проблем истории Румынии и Болгарии, он стал первым его заведующим.

Хочу отметить, что Е. Руссев всегда проявлял большой интерес к истории болгар. При всей занятости, он выкраивал время, и каждый день ходил в тогдашний Государственный исторический архив. Вместе с сотрудницей архива Крыжановской подготовил и издал замечательный сборник документов, отвечающий всем правилам археографии, о задунайских переселенцах в Бессарабии первой половины XIX в., главным образом болгарях. Он с удовольствием принял предложение быть титульным редактором книги Л.И. Степановой «Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50-70 гг. XIX в.». Прочитав рукопись труда этого талантливой исследователя, придирчивый к ошибкам Евгений Михайлович произнес: «Много читал в своей жизни, но такого не встречал. На 250 страницах рукописи не обнаружил ни одной ошибки, даже запятую не добавил».

Во второй половине 1960 – первой половине 1961 гг. научная общественность республи-

ки жила в ожидании открытия Академии наук МССР. Постановление Совета министров СССР было принято в июле 1960 г. после возвращения Н.С. Хрущева из Нью-Йорка, где он, выступая в ООН, сказал, что все союзные республики СССР имеют свои национальные академии. Но он ошибся – к этому времени в Молдавии и Киргизии были только филиалы АН СССР.

Открытие Академии наук в Кишиневе было намечено на двадцатые числа декабря 1960 г., все было готово к этой дате. Рабочая группа, в составе которой был и я, целый месяц находилась в Москве, занимала три номера в гостинице «Центральная» (напротив Моссовета, в ней раньше жили коминтерновцы). Яким Сергеевич Гросул, председатель Молдавского филиала АН СССР, согласовал в Президиуме АН СССР структуру будущей АН МССР. В соответствующих Отделениях АН СССР были рассмотрены и утверждены кандидатуры будущих академиков и членов-корреспондентов АН МССР, подготовлены две статьи о развитии науки в Молдавии для газет «Правда» и «Известия», даже разосланы приглашения на открытие АН МССР. Из-за досадного недоразумения открытие было отменено на неопределенное время, вся подготовительная работа вылетела в трубу.

Второй раунд подготовки к открытию АН МССР начался в июне 1961 г., а само открытие состоялось в помещении Молдавского музыкально-драматического театра 2 августа 1961 г., в день годовщины основания МССР. Среди членов-корреспондентов была фамилия Е.М. Руссева. Он же стал директором Института истории АН МССР (к этому времени на базе ИИЯЛ было образовано два самостоятельных института). Заместителем директора был Н.А. Мохов, ученым секретарем – я.

В Академии Е. Руссев оставался единственным директором, который не обзавелся отдельным кабинетом. Вся дирекция помещалась в одной комнате. В центре стоял письменный стол директора, справа от него – Н.А. Мохова, слева – мой. Вход в дирекцию был свободный в любое время. Случалось, один посетитель беседовал с директором, другой – с заместителем, у третьего были дела у ученого секретаря. Телефон был общий, дверь в кабинет не имела обивки. Все это появилось позже. У последнего моего директора перед моим уходом из Института истории уже были две двери с двойной обивкой, два телефона и т.д.

При Руссее окончательно и надолго утвердился новый распорядок дня работы научных сотрудников. Были установлены «присутственные дни» – по вторникам и четвергам с двух до

шести часов всем сотрудникам следовало находиться в институте. Это были дни заседаний отделов, ученого совета, собраний. Остальные дни недели считались «библиотечными» и «архивными». Можно было работать и дома, не тратя время на хождение и поездки на работу.

В годы директорства у Евгения Михайловича был свой распорядок дня. Пока мы жили в одной квартире на проспекте Ленина, я и жена утром на часы не смотрели. Если Руссев выходил из своей комнаты и направлялся в ванную, значит часы показывали 6:30. В 7:00 утра на кухне включалась радиоточка, Евгений Михайлович слушал последние известия. В 7:30 он завтракал, в 8:00 пешком уходил на работу. Первая остановка была у газетного киоска на углу улицы Гоголя и проспекта Ленина, его здесь ждала пачка газет, иногда и французская «L'Humanité». Читал газеты обычно перед сном. Порог Института переступал в 8:50, просматривал почту и тут же брался отвечать на письма, запросы. На письменных столах Руссева, на работе и дома всегда был завидный порядок. Все ручки, карандаши, резинки разложены по местам, бумаги скреплены, в боковых тумбочках от стола в коробочках хранились строго по проблемам выписки из литературы, летописей и других источников для научной работы.

Рядом с Академией находился ресторан «Кишинэу». Ровно в час дня у одного и того же официанта он обедал. Был у него постоянный парикмахер. Сначала мастерская последнего находилась рядом с домом на Щусева № 111, когда же парикмахер перебрался на Ботанику, Руссев раз в месяц утром в 7:00 отправлялся пешком туда приводить себя в порядок.

Было у Евгения Михайловича еще одно правило. После работы всю верхнюю одежду и обувь он проветривал на балконе, а затем аккуратно вешал костюм в шкаф. Для каждой пары обуви была колодка.

После ужина мы собирались на кухне, к счастью, довольно просторной. Мы ее называли «малый конференц-зал», здесь обсуждались события дня. Дни рождения, Новый год и другие праздники часто встречали вместе. К нам приходили школьные товарищи Руссева по лицу «Александр Дониц» – инженер и конструктор Наум Соломонович Фишер и его жена Елена Мартыновна Подградская (Е. Руссев был руководителем ее кандидатской диссертации), инженер «Молдэнерго» Леонид Иосифович Бер-

бер и его жена Елена Ивановна (девичья фамилия Сырбу). Мы ее просто звали Ляля и работала она в газете «Молдова Социалистэ».

Ляля рано ушла из жизни. Перед смертью она просила Евгения Михайловича помочь в устройстве ее дочери Клары Жигня (по мужу), которая оканчивала Кишиневский университет. Е. Руссев относился к обещанию как к долгу. Клара Жигня благодаря Руссеву была устроена на работу в Институт истории АН МССР, защитила кандидатскую диссертацию, опубликовала книгу, посвященную проблеме мирных договоров с Болгарией, Румынией и Венгрией после второй мировой войны.

Вот еще один пример его отношения к обещаниям. Еще живя в доме Остиану, Евгений Руссев обещал своей жене Наташе с первого гонорара за издаваемый в Москве румыно-русский словарь, купить ей красивое золотое кольцо. Словарь увидел свет в 1954 г., то есть спустя два года после развода. Но обещанное выполнил.

После первого четырехлетнего срока пребывания в должности директора Института истории Е.М. Руссев подал заявление об освобождении от этой функции. Он считал годы директорства потраченными зря. Он был исследователем, административная работа его не прельщала, не умел и не хотел угодничать перед начальством. Главное для него, испытавшего в жизни много несправедливостей, было не допустить их в отношении к подчиненным. Он не умел и не перекладывал свою работу на чужие плечи, наоборот даже, функции лаборанта брал на себя.

Будучи директором, Руссеву приходилось часто выступать на собраниях, совещаниях. Говорил он гладко, его речь переливалась поговорками и пословицами. Но звучали иногда и слова, неприятные слуху начальства. Е. Руссев не годился в дипломаты. Он был врожденный интеллигент. Никогда не произносил бранных слов, даже когда речь шла о недругах. Был любителем концертов классической и эстрадной музыки, часто посещал их, на домашних вечерах пел романсы, у него был приятный голос.

После ухода с поста директора Института Руссев какое-то непродолжительное время был без работы. Новый директор Института языка и литературы С.С. Чиботару предложил ему должность старшего научного сотрудника. До часа трагической кончины он оставался в этой должности. По-видимому, у Евгения Михайловича происходили какие-то неизвестные нам мучительные переживания, и он принял такое роковое решение.

* * *

В некрологе о смерти, подписанном руководством республики и академии о самоубийстве ничего, естественно, сказано не было. Похоронили Евгения Михайловича на Центральном кладбище Кишинева (ул. Армянская). Уже в то время на нем хоронили только руководящих работников республики, известных ученых и писателей, деятелей культуры.

Все хлопоты по установке памятника взял на себя я. Проект его создал заслуженный архитектор республики С.М. Шойхет. Чтобы получить для памятника черный и белый мрамор с Украины, надо было иметь наряд от Совета министров МССР. Помогла Анна Васильевна Мельник, занимавшая тогда должность заведующей Отделом науки ЦК КП Молдавии; она при жизни Руссева с большим уважением относилась к нему. Два года ушло на создание этого памятника, так он прочно и стоит.

Мы старались, чтобы богатая домашняя библиотека Евгения Михайловича, в которой были редчайшие издания молдавских летописцев, ценнейшие книги по средневековой истории, комплект русских и иностранных словарей, альбомы известных музеев мира оказалась в Центральной библиотеке АН МССР. Целую неделю Клара Жигня и сотрудники ЦБ АН МССР составляли опись книг библиотеки Руссева. Но когда зашла речь о вывозе этой библиотеки, заявили, что в хранилище ЦБАН нет места для ее размещения. Всю словарную картотеку собирались отдать Н.Г. Кэрлэтяну, но он не захотел ее забрать. У него были неприятности в связи с выходом в 1967 г. второго издания румыно-русского словаря. В этой связи да еще после смерти соавтора он, по-видимому, решил со словарями покончить.

На конец мая 1982 г. была запланирована научная сессия, посвященная 170-летию вхождения Бессарабии в состав России. Одним из докладчиков должен был стать Е.М. Руссев. Верный взятым обязательствам, он своим каллиграфическим почерком оставил дома на письменном столе свой доклад. Но никто его не зачитал.

Анна Игнатьевна, мать Евгения Михайловича, на семь лет пережила смерть сына. Она умерла в апреле 1989 г., перешагнув 100-летний рубеж. Благодаря стараниям академика вице-президента АН МССР В.А. Андрунакевича, с которым у Е.М. Руссева были дружественные отношения, Анне Игнатьевне продолжали привозить продукты, выделяемые для членов академии. Мы с женой посещали Анну Игнатьевну, особенно, в первые два года после смерти Евгения Михайловича. Ее мечта была при жизни видеть у могилы своего сына памятник. Наш сын, Саша, который родился в этой квартире, на нашем «жигуленке» время от времени возил ее на могилу сына. Это было для нее и праздником и печалью. Еще навещала Анну Игнатьевну сотрудница Е.М. Руссева по последнему месту работы – Институт языка и литературы – Аня Додул.

В какой-то день из Одессы приехали двоюродный брат Евгения Михайловича и его жена. До этого я никогда их в доме Руссовых не видел, никогда о них Евгений Михайлович и Анна Игнатьевна не говорили. Эти родственнички явно приехали за получением наследства, вернее заиметь квартиру. За уход они потребовали прописку и добились. В горсовет ходил тот же Андрунакевич.

Анна Игнатьевна хотела, чтобы ее похоронили возле единственного сына. Однако как только стали рядом рыть могилу, возникло опасение, что тяжелый памятник Евгению Михайловичу может дать крен. Из Москвы, по срочному запросу А.А. Андрунакевича, пришла телеграмма от Наташи и Вали Остиану, которые после смерти их отца Михаила Гурьевича вместе с мамой переехали в советскую столицу, о согласии похоронить Анну Игнатьевну на семейном участке, где лежит их отец; это недалеко от могилы Евгения Руссева.

Со смертью Анны Игнатьевны по линии Евгения Михайловича оборвался род Руссовых, у него не было детей. В памяти моей семьи он остался величайшим тружеником, образцом порядочности и честности.